
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.01

УДК 17.022

ДОНЖУАНИЗМ: ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ, ПРЕДПОЧТЕНИЯ, ПОВАДКИ

Р.Г. Апресян

Институт философии РАН, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2473-3909>

Донжуанизм – особый для амурно-эротических отношений тип сознания, ценностных установок, характера поведения. В нем обобщенно отражен образ Дон Жуана, представленный в известной комедии Ж.Б. Мольера «Дон Жуан, или Каменный пир», а также во множестве других произведений искусства. Этот образ внутренне раздвоен и по-разному трактуется в истории культуры. С одной стороны, Дон Жуан известен как галантный поклонник, любвеобильный ухажер, виртуоз наслаждений, дамский угодник, и потому оправданно восприятие Дон Жуана в соотнесении с искусством любви. С другой стороны, Дон Жуан воспринимается как повеса, соблазнитель, разрушитель женских сердец, гроза мужей, и тогда Дон Жуан символизирует своеволие и распутство. Две стороны донжуанистского образа развиваются в разных символических контекстах: первый – в амурно-эротическом, второй – в морально-этическом. Особенность амурно-эротических коннотаций донжуанизма в том, что они актуализируются именно в связи с куртуазной галантностью, женским ожиданием рыцаря, романтического кавалера, замечательного любовника. Но донжуанизм не выдерживает проверки с позиций философии и мудрости любви, в которой на первый план в отношениях выступают стремление к целостности и совершенству, дарение и преданность. Однако и философия любви оказывается в непростой ситуации перед лицом донжуанизма: по крайней мере одной своей стороной донжуанизм релевантен тому пониманию любви, возможно наиболее популярному у обычных людей, согласно которому любовь – это именно романтически-эротические переживания, отражающие чувственное вождение, а любовное единение понимается определенно в сексуальном смысле – как соитие.

Ключевые слова: эротизм, донжуанизм, Дон Жуан, обходительность, прельщение, распутство, либертинаж, любовь.

DON JUANISM: VALUE ATTITUDES, PREFERENCES, MANNERS

Ruben G. Apressyan

RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2473-3909>

Don Juanism is the special type of consciousness, value attitudes and mode of behavior in amorous-erotic relations. Such type reflects a generalized character of Don Juan presented in a popular comedy play “*Don Juan or The Feast with the Statue*” of J.-B. Molière as well as in and many other works of art. This figure is internally dual and has different interpretations in the history of culture. On the one hand, Don Juan is famous as a gallant adorer, affectionate follower, dangler, virtuoso of pleasure and hence the image of Don Juan with respect to the art of loving is clear and justified. On the other hand, Don Juan is perceived as a kind of playboy, seducer, conqueror of ladies' hearts and then Don Juan is considered as a symbol of arbitrariness and profligacy. Two aspects of the Don Juan image have been developed in different symbolic contexts: the first one – in the amorous-erotic context and the second one – in the context of morality. Amorous-erotic connotation of Don Juanism is the specific feature of its relevance to frivolous gallantry, women's' anticipation of a knight, romantic cavalier, outstanding lover. However, Don Juanism doesn't hold up philosophy and wisdom of love with their priorities of wholeness and excellence in relations, mutual self-giving and devotion. However philosophy of love finds itself in the complicated situation: at least in one aspect Don Juanism is relevant to the most popular among ordinary people understanding of love according to which this feeling is just romantic-emotional experience involving sensual desire while amorous unity is realized definitely in sexual meaning – as coition.

Keywords: eroticism, Don Juanism, Don Juan, gallantry, seduction, depravity, libertinism, love.

1

В платоновском «Пире» – произведении, задавшем большинство основных сюжетов последующих философских обсуждений любви, стремление к воссоединению предстает в качестве одной из основных функций любви-эроса: «Любовью называется жажда целостности и стремление к ней» [1, с. 101]. В любви каждый находит свое неповторимое другое Я, в соединении с которым обретается гармония. Это понимание любви Платон вкладывает в уста Аристофану. Гораздо более важная для Платона идея заключается в том, что в любви и через любовь человек приобщается к Благу, Космосу, вечности. Доминирующий сюжет сократовской речи об Эросе в «Пире» представляет иерархию красоты, в контексте которой проясняется смысл «платонической любви» как устремленности к возвышенному и прекрасному. Эрос, таким образом, предъявлен как фундаментальная познавательная и творческая сила. Любовь – это в конечном счете отношение к высшему. Стремление к единению и стремление к высшему – две фундаментальные идеи, во всей полноте репрезентирующие платоновское понимание любви-эроса¹.

Эти идеи проходят через всю историю мысли, в той или иной форме проступая в философских концепциях любви. Отношением к высшему задано и опосредствовано отношение к ближнему и близкому (о чем бы как о близком ни шла речь); в отношении к ближнему и близкому обнаруживает себя отношение к высшему, которое вместе с тем есть отношение к своему возможному совершенству. Эти идеи мы находим, например, в одной из выдающихся концепции любви XX века. Она была предложена Максом Шелером, который понимал любовь как универсальную силу, которая направляет любящего (каким бы ни был предмет его любви) к предполагаемому в нем ценностному совершенству. И в этом смысле любовь есть акт целостного самоосуществления в мире – самоосуществления, направленного к первообразу, каковым является образ Бога. К чему бы ни был устремлен человек в своей любви, в любви он вырывается за пределы самого себя, «он соучаствует в акции чуждого предмета, соучаствует благодаря ей в этой тенденции чуждого предмета утверждать собственное совершенство, содействовать ей, поощрять ее, благословлять ее» [3, с. 352].

Утверждаемое философами понимание любви как стремления к совершенству, целостности, единению, как дарения и преданности, кажется, не выдерживает разнообразных опытов «живой» любви – любви обычных людей: увлекающихся и страстных, влюбляющихся и разочаровывающихся, вожделеющих и любующихся, любящих не только пылко, но и много, а порой и многих, по-разному и разных, по порядку, а то и одновременно и т.д. Ведь в обычной речи любовь это не только благожелательность и милосердие в отношении к другому как единственному и неповторимому и не непременно родственность душ, привязанность, забота. Любовь нередко ассоциируется именно с романтическими переживаниями или даже, скорее, эротическими, отражающими чувственное вожделение, а любовное единение понимается определено в сексуальном смысле – как соитие.

Может быть, философы в осмыслении любви стремятся не к разнообразному, а к тому единому, что собирает и объединяет разнообразное? Но значит ли это, что философия – не про жизнь, которая в своей жизненной явленности философию попирает? Ведь философы, конструируя предельный (идеальный) образ любви, высказывая чистую и абсолютную идею любви, не игнорируют «философски нечистые» или относительные проявления любви – по меньшей мере в своей критике их, в противопоставлении им возвышенного представления о любви.

¹ Анализ философии любви в платоновском «Пире» дан мной в статье [2, с. 393–407].

Тогда возникает трудность познавательного свойства: как, принимая во внимание предлагаемый философией идеал, понять житейски распространенное представление о любовных отношениях как «истории», «романе» (не путать с романтической любовью), «приключении», «афере»²? В философии и в лирической поэзии любовь нередко трактуется как свобода. Но очевидно, что не это имеется в виду, когда говорят о «свободной любви», т.е. любовных («любовных»?) отношениях, свободных от обязательств.

Любовные отношения, свободные от обязательств, еще обозначаются словом «либертинаж»³. Это слово утвердилось во французском в XVII веке, и оно указывает, с одной стороны, на вольномыслие в значении более всего близком безбожию, а с другой – на распущенность нравов, неразборчивость в чувственных отношениях⁴. И сегодня можно встретить употребление этого слова в обоих значениях, но анализ современных текстов показывает, что оно употребляется по преимуществу в значении именно нескованности в амурном поведении, вольности в сексуальных отношениях. Более определенно по значению русское слово *прелюбодеяние*, обозначающее престаупающие заповеди внебрачные отношения. Оба слова – и «либертинаж», и «прелюбодеяние» – ценностно нагружены: слово «прелюбодеяние», справедливо ассоциирующееся с религиозными текстами, религиозной речью, несет в себе осуждение; в слове «либертинаж» слышится если не восхищение, то скрытое одобрение, замешанное на ощущении духа вольности.

В социально-нравственном плане, как и с позиций любовно-брачной этики, либертинаж предстает девиацией: им попираются нормы общественной морали. Но нет сомнений, что он является устойчивым элементом любого амурного этоса, и это подтверждается наличием санкций и предостережений против внебрачных⁵ любовных отношений практически во всех известных из истории этико-правовых традициях. Внебрачные любовные отношения считаются нравственно неприемлемыми во всех обществах. Исключения составляют отдельные периоды в жизни отдельных обществ, которые и современниками, и потомками воспринимаются как периоды упадка. Парадокс состоит в том, что никакие социально-культурные, правовые, нравственные, религиозно-церковные запреты на протяжении тысячелетий человеческой истории не привели ни к искоренению, ни к подавлению «свободной любви». Более того, на рубеже XIX–XX веков в богемных и околбогемных кругах она стала приобретать обыкновение, а во второй половине XX века на волне протестных настроений и действий «неформальной» молодежи, главным образом хиппи, претворилась в движение со своими принципами, нравами и уже традициями.

В данной статье феномен либертинажа будет рассмотрен на примере известного художественного образа Дон Жуана, обобщенного в амурно-эротической модели *донжуанизма*. Не совсем привычное слово «донжуанизм» используется здесь для обозначения типа сознания человека, устремленного к определенному рода амурным отношениям. За этим сознанием

² Учитывая практику современного русского языка, следует признать, что в соединении слов «любовь» и «афера» прослеживается некий *аферизм*. Здесь в самом деле допускается определенная игра слов, построенная на смещении значений английского слова *affair*, означающего, в частности, любовно-близкие *от/сношения*, а также деловые отношения (ср. англ. *ministry of foreign affairs* – министерство иностранных дел) и русского слова «афера», означающего сомнительную сделку, жульническое предприятие (отталкиваясь от слова «сделка», можем по фонетической и, думаю, морфологической ассоциации перекинуться к английскому слову *deal*, которым иногда обозначается и любовная затея).

³ Слово «либертинаж» заимствовано из французского, в котором *libertinage* первоначально обозначало свободомыслие, в частности, в вопросах религии. Этимология слова восходит к латинскому *libertinus* (вольноотпущенник, освобожденный раб).

⁴ Об истории термина «либертинаж» и его значениях см.: [4; 5, с. 16–36].

⁵ В данном случае под внебрачными имеются в виду отношения, не соответствующие каким-либо формам признанных в качестве легитимных интимных отношений. В некоторых архаических обществах под брачные подпадали и некоторые виды несемейных отношений, ритуализированных по различным основаниям. Европейскими путешественниками и исследователями непривычные для них формы сексуальных отношений воспринимались как проявления промискуитета.

просматриваются соответствующие ценностные установки и предпочтения, некая «этика». Более привычное слово «донжуанство» уместнее для обозначения практических проявлений этой модели в амурных отношениях⁶. Таким образом, донжуанизм выстраивается в одном ряду с такими амурно-эротическими моделями, как садизм и арсанизм (рассмотренными мною в другой работе [6, с. 56–66]).

2

Дон Жуан являет нам образ наиболее известного, хотя и не самого радикального либертена⁷. Впрочем, либертен либертену рознь. Либертенами считали себя сторонники радикально раскрепощенной «любви», искатели наслаждений – герои романов Донасьена де Сада. Дон Жуан не таков. К тому же в истории искусства XVI–XX веков этот образ эволюционировал; и мы имеем его различные культурные интерпретации.

Известен исторический прототип этого героя – живший в XIV веке севильский аристократ дон Хуан Тенорио [7, р. 185–187; 8, с. 325–441; 9, с. 162–178]. Его жизненная история легла в основу комедии испанского драматурга Тирсо де Молины «Севильский обольститель, или Каменный гость», где впервые появляется литературный Дон Жуан – Дон Хуан Тенорио, ставший основой для образов Дон Жуана у Мольера, а через него – у Гольдони, Гофмана, Байрона, Пушкина, Дюма, А.К. Толстого, Мериме и многих других⁸. В музыке образ романтического распутника запечатлен Вольфгангом Амадеем Моцартом и рядом других композиторов. Моцарт в опере, изначальное полное название которой «Наказанный распутник, или Дон Жуан», представил Дон Жуана бесстрашным, безудержным, обаятельным, готовым на все ради расположения любимой женщины кавалером, но вместе с тем легко пренебрегающим нормами общественной нравственности. Под впечатлением от моцартовской оперы Эрнст Гофман пишет небольшую новеллу «Дон Жуан», в которой раскрывает неоднозначность и противоречивость образа Дон Жуана. Новые прочтения этого образа разнообразно представлены в литературе XX века.

3

В суждениях о Дон Жуане, донжуанах и донжуанстве, кажется, достаточно морализаторства. Общественная мораль в своих расхожих проявлениях осуждает донжуанство. Вот хрестоматийный пример: Виссарион Белинский по поводу главного героя пушкинского «Каменного гостя» Дон Хуана писал: «Его одностороннее стремление не могло не обратиться в безнравственную крайность, потому что для удовлетворения ее он должен был губить женщин по их положению в обществе – и он сделал из этого ремесло» [14, с. 575]. Восприятие Белинского контрастно ощущению образа Дон Жуана самим Пушкиным, у которого тот предстает не столько сладострастным повесой, сколько обаятельным любовником, видящим в чувственной и страстной любви смысл жизни. Белинский моралистичен в этой оценке лишь по-

⁶ Заслуживает внимания, что в русском издании «Мифа и Сизифе» Альбера Камю раздел, посвященный данному феномену, назван «Донжуанство», между тем как в оригинале – «Don Juanisme». В психиатрии термин «донжуанизм» используется для обозначения синдрома мужского стремления иметь как можно больше сексуальных связей.

⁷ Либертеном называет Дон Жуана С.М. Воксман [7, р. 186, 187], следуя сложившейся традиции: уже у Томаса Шедвелла Дон Жуан появляется в пьесе, которая называлась «Либертен» (1676). О дискуссии между Жаком Прево и Франсуазой Шарль-Добер относительно того, насколько оправданно считать либертеном Дон Жуана, см.: [5, с. 21–22].

⁸ Подробный обзор литературных воплощений образа Дон Жуана в XVI (начиная с Хуана де ла Куэвы) – XIX веках с приложенным перечнем всех литературных произведений, в которых представлен Дон Жуан, дан в [7, р. 187–204]. История образа Дон Жуана представлена в [10, с. 5–22]. Анализ образа Дон Жуана в произведениях испанского драматурга Хасинто Дельгадо Грау (1877–1958) дан в [11, р. 256–260]. Любопытный анализ этого образа в испанском искусстве, в основном театральном, конца XX – начала XXI века и ретроспективно к предшествующей культурной традиции, дан в [12], а в более широком историческом диапазоне в [13].

стольку, поскольку не принимает во внимание правила куртуазной игры, коммуникативные перипетии обольщения и прельщения. Но во внекуртуазном контексте Белинский указывает на несомненный факт: донжуанизм – деструктивен. Донжуан – обольститель и захватчик, и женщина оказывается игрушкой в его руках. Женщина для него – лишь объект вожделения, источник утоления страсти. Донжуан увлекается женщиной и завоевывает ее, думая лишь о своей прихоти, об удовлетворении собственного влечения. Удовлетворяя себя, обольститель разрушает другого. Женщина не существует для него как личность; женщины преходящи.

Донжуан индивидуалистичен и своеволен. Донжуан – эгоцентрик, хотя его эгоцентризм парадоксален. Он не мыслит своего Я без любви, он не мыслит своей жизни без любви. Было бы опрометчивым считать, что в любви он отдает себя возлюбленной. В любви он утверждает себя, причем лишь в собственных глазах. Для донжуана не существует жизни без любви. Но любовь для него вполне существует без жизни, т.е. без полноты человеческих отношений и разнообразия переживаний, совместности эмоционального и духовного опыта.

Донжуан влюбчив и любит. Как заметил Альбер Камю, донжуан «любит женщин одинаково пылко, каждый раз всю душою» [15, с. 62]. Однако он любит многих – и ему приходится повторяться. Донжуан отдается целиком – но по очереди. Поэтому он не имеет сил целно воспринимать любовь женщин: их слишком много, чтобы выбрать и принять только одну. Донжуан в конечном счете оказывается заурядным соблазнителем (или обольстителем). Стремясь к любви, он получает любовную интрижку.

Любовь – это высшее проявление общения, человеческого единения и преданности (т.е. дарения себя другому). Однако после пережитой кульминации любовь оказывается для него бессмысленной, поскольку кульминацией исчерпывается для донжуана ее подлинный смысл. Да, в исчерпанности есть своего рода полнота. И целостность. Но это целостность, локализованная во времени и пространстве. Это – «здесь-и-сейчас-любовь». История любви донжуана – всегда очередная. В череде любовных историй фрагментируется его жизнь⁹.

Герой романа Сёрена Кьеркегора «Дневник обольстителя» Йоханнес¹⁰ жаждет любви – «беспредельной пламенной любви» и видит в ней «высшее наслаждение, какое только может испытать человек на земле». И в этом он вполне человечен. Но для обольстителя любить – значит быть *любимым*: «быть любимым более глубоко и внутренне сильно, чем кто бы то ни было в этом мире» [17, с. 399]. Так что он человечен, когда дело касается его самого и отношения к нему других. И вместе с тем «больше всего на свете» вовсе не значит навсегда. Он сам – всегда влюбленный «на срок». Как заявляет Йоханнес, «я эстетик, ироник, служитель Эроса, постигший сущность любви и ее смысл, верящий в любовь и основательно изучивший ее, отстаивающий лишь свое частное мнение, согласно которому всякая любовная история длится не более полугода, а всякие отношения должны прекращаться, как только ты вкусил последнее» [17, с. 399]. Йоханнес четко следует этому своему правилу. В истории, описанной в романе, после первой же ночи любви возлюбленная теряет для Йоханнеса интерес: «когда девушка отдала все, она слабеет, она все потеряла... она утратила свой аромат» [17, с. 471–472].

Белинский утверждает, что Дон Хуан губит женщин «...по их положению в обществе». В наш век понятие «положение в обществе» потеряло свой смысл, да и представление о «женской чести» большинством воспринимается как довольно старомодное, если не сказать, не все-

⁹ Стоит ли говорить, что малые и локальные «целостности» донжуана не сопоставимы с той цельностью жизни, которую прожил другой и по-другому великий любовник – Тристан, ставший символом приверженности одной-единственной любви, к одной-единственной женщине. См. [16].

¹⁰ Йоханнес (Johannes) – германизированный вариант имени (Иоанн-Ioannes), испанский вариант которого представляет Хуан (Juan).

гда понятное. К тому же образ Дон Жуана меняется в контексте современного опыта, в условиях после сексуальной революции, действительно, преобразившей нормы амурно-сексуального поведения да и общественные нравы в целом. И тем не менее нельзя не признать, что и сегодня общественное мнение сдержанно в отношении донжуанизма. Оно, пожалуй, снисходительно к донжуанству как проявлению куртуазности и эротического эстетства, как к концентрированному воплощению маскулинной галантности. Но оно не может не видеть в донжуанизме, принимая во внимание разнообразный практический опыт человеческих отношений и любовных афер, угрозу не только целостности любовных и брачных отношений, но и любви как таковой. Разрушению не обязательно быть «по положению в обществе». Оно может быть более глубоким и значимым, когда «положению в обществе» уже не придают особенного значения. Разрушительным, необратимо разрушительным может оказаться у жертвы обольщения само сознание использованности и испытанного по этой причине унижения.

Нельзя не отметить, что донжуанство, как своего рода эстетический эротизм, нравственно значим в качестве возможного проявления личностной, социально не обусловленной самореализации. Если рассматривать донжуанство как некий идеальный тип, метафору, обозначающую тенденцию в любовном или эротическом поведении человека, то истоки этой тенденции поддаются усмотрению в раннем индивидуальном опыте сексуальности и своевольности – в опыте внутренне-индивидуальной независимости. Эротизм и как самоощущение, и как влечение, и как общение оказывается неподотчетным социальным регулятивам. Невинный флирт или любовная интрига как свернутое донжуанство – оказываются формой ухода от общественной дисциплины, упорядоченности межличностной коммуникации. В них находит себя возможность неподопечности, раскрепощенности чувств и самовыражений. Донжуанство привлекательно безобязательностью человеческих отношений – вольностью связей, ничем не опосредствованных, кроме страстного влечения.

4

В обсуждениях донжуанизма в центре внимания, как правило, оказываются мужчины в их отношении к женщинам. В этом сказывается инерция традиции, стереотипного восприятия феномена донжуанизма. Следует признать, что донжуанистский тип амурно-эротического поведения – отношение к любовным отношениям как к развлечению для себя, способу самоутверждения, предмету коллекционирования – может быть принят и женщиной. Уже и образ Лауры, одной из героинь истории о Дон Жуане, рядом исследователей трактуется как своего рода его женская параллель, в отличие от образа Донны Анны. Лаура – певица, актриса; она самолюбива и независима; ей нравится быть привлекательной, заставлять мужчин бороться за себя; она ценит мужчин за их способность не только постоять за себя, но и отстоять свое право быть с нею¹¹. Впрочем, традиционное сознание однозначно иначе трактовало женский тип «донжуанистского» поведения, резервируя для него другое по стилистике определение: «блудница» – с соответствующими ценностными акцентами и подтекстами. Однако это восприятие именно традиционного сознания.

В постмодерном обществе происходят радикальные перемены в положении женщины и ее образе в общественном сознании. В этих переменах нашли выражение разные по своей природе процессы, получившие развитие поначалу в развитых западных обществах и постепенно распространяющиеся по всему миру. Во-первых, это либерально-демократические пре-

¹¹ О женском либертинаже см. [5, с. 188–193].

образования – политические и социальные, выразившиеся в утверждении гендерного равенства и постепенном расширении областей социальной практики, в которых оно стало нормой. Во-вторых – сексуальная революция, радикально изменившая сексуально-эротический этос. Благодаря новым медицинским технологиям сексуальность эмансипировалась от репродуктивной функции, заложниками которой были в первую очередь женщины. Сексуальность вышла за рамки семейно-брачных отношений, высвободилась из-под доминирования маскулинных стереотипов, стала восприниматься как возможность дополнительной личностной индивидуализации и идентификации [18, р. 22–27].

Изменения в социальном, брачном, личностном статусе женщины, по мнению Жилия Липовецкого, привели к появлению нового социально-исторического образа женственности, который он называет «третьей женщиной». Главное проявление этого образа – сексуальная свобода: женщины избирают тип амурных отношений, прежде ассоциировавшийся исключительно с мужчинами [19, с. 10–11]. Одно из выражений новой сексуальной свободы – женское донжуанство, в котором женщины демонстрируют то отношение к любовным связям и то отношение к мужчинам как сексуальным партнерам, которые присущи донжуанам в их отношении к женщинам¹².

Тем не менее донжуанизм как социокультурное клише и донжуанство как поведенческая тактика устойчиво ассоциируются именно с маскулинностью. Вместе с тем в них обнаруживаются также и установки, отражающие фемининный опыт и фемининное сознание, которые сегодня все более публично и открыто заявляют о себе. Этот опыт и, соответственно, сознание двойственны.

С одной стороны, это опыт ожидания галантного поклонника, любвеобильного ухажера, виртуоза наслаждений. Нравственное благоразумие со своей проповедью умеренности и предосторожности сплошь и рядом терпит фиаско в противостоянии донжуанству, потому что донжуан бесшабашен и наполнен живительной энергией. Это энергия эстетизма и раскрепощенности. Донжуан завораживает напором, напряженностью естества, приближением наслаждения.

Портрет такого донжуана представил, не скрывая восторга, Марсель Баррьер. Его Дон Жуан – прямая противоположность своему историческому прообразу. Он воспринимается женщинами как сама судьба, они готовы его боготворить, он – «гений соблазна», «художник сладострастия», «любовник, не имеющий себе равных»; он элегантен в одежде, безупречен в манерах, независим во взглядах и в положении. Он и философ, и художник, и завоеватель [20, с. 7]. И потому он уникален. Он может казаться нелюдимым и малообщительным, потому что облачен в завесу непроницаемости. В основе его любовных поединков Баррьер различает меланхолическую задумчивость, сдержанность и даже, как это ни покажется странным, некоторую «внутреннюю стыдливость» (пусть и не ясно, кого стыдится наш повеса). Как любовник Дон Жуан не охвачен страстью, потому что для него важнее всего, оставаясь хладнокровным в царстве страсти, «никогда не подчиняться воле женщины, но, в свою очередь, подчинить ее своей воле» [20, с. 11].

Для полноты представления образа Дон Жуана Баррьер прибегает к типологическим характеристикам, и основным антагонистом Дон Жуана на стезе амурных побед называет Казанову, усматривая разницу между ними в том, что Дон Жуан – художник в любви, любовь для него изысканное искусство, а Казанова – всего лишь сладострастник, озабоченный удовлетворением своего сладострастия. «Один действует во имя искусства, а другой ради удовольствия» [20, с. 13]. Любвеобильный Дон Жуан возвышен в своем выборе и в проявлении страсти;

¹² Более чем за два десятка лет до выхода книги Липовецкого (1997) Роже Вадим снял художественный фильм «Если бы Дон Жуан был женщиной» (1973) с Брижит Бардо в главной роли – соблазнительницы и завоевательницы мужчин.

сладолюбивый Казанова – неразборчив и низмен. Отталкиваясь от признаний Казанова, что в отношениях к женщинам он не делил их на благородных и простушек и среди его возлюбленных были прелестные представительницы как высшего света, так и низких сословий, Баррьер указывает на его непритязательность. В противоположность Казанове Дон Жуан взыскателен: ведь он стремится лишь к прекрасным женщинам – к избранным, отвечающим неким идеальным представлениям. Если внимательно читать воспоминания Казанова, список его побед удивляет своей незначительностью в сравнении с той всемирной славой, которая сложилась из молвы о его многочисленных куртуазных достижениях. Даже если предположить, что помимо названных в его мемуарах поименно или упомянутых безымянно женщин у него было еще столько же или дважды столько же, все равно по количеству побед Дон Жуан может дать Казанове значительную фору.

С другой стороны, на донжуана можно посмотреть и иначе – с точки зрения того, как он относится к женщине. Женщина интересует донжуана как объект завоевания. Любовное приключение для него – способ самоутверждения. Рисуя образ Дон Жуана, Баррьер, кажется, не обращает внимания на очевидное – самовлюбленность своего героя. Донжуан – типичный нарцисс. А нарцисс, даже увлекаясь амурной историей, в ухищрениях соблазнения, завоевания не питает личного интереса к объекту своего интереса; его интересует лишь он сам. Завоевание для донжуана важнее объекта завоевания [21, с. 47–48; 22, с. 117–132].

У Дэвида Юма есть небольшое рассуждение о дамских угодниках (*good women's men*). Характерно, что в русском переводе неудачно использовано слово «бабник». Не говоря о том, что это грубоватое слово никак не соответствует стилистике юмовской речи, оно не отвечает и тому, как описывает этот характер Юм. Конечно, и «дамский угодник», и «бабник» обращены к женщинам, не могут пропустить ни одной прелестницы, их критерии женской красоты и привлекательности довольно широки, и прелестницу они готовы видеть в каждой. Однако «бабник» стремится главным образом к тому, чтобы испробовать каждую. «Дамский угодник» спешит утешить женщину – нежностью и лаской. Вот и Юм пишет, что «дамский угодник» славится своими любовными похождениями и, естественно, пользуется успехом у прекрасного пола. И это потому, что он «способен доставлять наслаждение». И даже те женщины, которые не готовы к свободным отношениям, расположены к нему, любят и уважают его – за его способность любить [23, с. 649–650].

5

Существует и другой опыт восприятия и понимания донжуана, как правило, остающийся за рамками комедий и новелл о Доне Жуане. Это «опыт-после» – неизбежно возникающих знаков невнимания, появляющихся выражений скуки и безучастности на лице еще недавнего обожателя, его постепенного ускользания и, наконец, разрыва.

Заслуживает внимания, что Баррьер, столь увлеченный образом Дон Жуана, не сумел сохранить последовательность в эстетизации своего героя. В описании частных черт его характера, демонстрируемого им искусства любви, излюбленных методов соблазнения Баррьер то и дело посматривает на Дон Жуана иными глазами. Это уже не взгляд жаждущей рыцаря (галантного кавалера, сумасшедшего влюбленного) и истомившейся по любовной ласке женщины. Удержаться на романтически-куртуазной волне в рассуждении о донжуане невозможно постольку, поскольку хотя бы одна история любви прослеживается до конца. И если донжуан в порыве любви не перестает быть самим собой, т.е. не решается целиком посвятить себя избраннице, значит, неизбежна сцена ухода. Со спины даже самый подлинный донжуан оказывается в

глазах покинутой женщины подделкой. Покидающий женщину, еще накануне возлюбленную и вроде бы боготворимую, донжуан – уже не донжуан: в кульминации любви он утратил любовную страсть. Дело состоялось, история закончена. Уходящий донжуан – банальный распутник. Не ищущий женщин как таковых, тем более Женщину, но потребляющий их. А серенады, восторги, сумасбродства это всего лишь инструменты, обеспечивающие доступность потребления.

У Камю были все основания занести донжуанизм в категорию жизненных форм, демонстрирующих *абсурд*, т.е. потерю смысла и цели. Дон Жуан, наряду с фигурами актера и завоевателя, одна из персонификаций абсурда. Компания донжуана ясна: он ведь по-своему и актер (а порой паяц), и завоеватель (а порой аферист). Абсурдным делает донжуанизм несоответствие его устремлений и того межличностного коммуникативного пространства, внутри которого они осуществляются. Что ни говори, но это пространство если не любви в собственном смысле, то взаимности, и даже если именно наслаждения, то наслаждения во взаимности. Во всяком случае донжуан именно так презентует отношения с предметом своих устремлений. Взаимности не непременно быть чувственной; она может строиться на соглашении или на партнерстве (в том числе сексуальном). Дон Жуан облачает свои претензии в романтические наряды и демонстрирует персональную расположенность, причем нередко выражаемую как исключительную расположенность. «Любовью, – говорит Камю, – мы называем то, что связывает нас с другими», и добавляет, уже опираясь на свой опыт и свое понимание, что это та «смесь желания, нежности и интеллекта, что привязывает меня к данному конкретному существу» [15, с. 64]. Но только ли меня? Не возбуждают ли выказанное желание, оказанная нежность и проявленный интеллект взаимную привязанность? Донжуан вызывает ответные чувства лишь для того, чтобы испытать их, а то и только пригубить. Он пробуждает любовь, чтобы тут же ее ограничить своим желанием и своей временной меркой.

Тем самым Другой – еще пока возлюбленная, уже разлюбяемая – деперсонализируется, игнорируется в качестве доверившейся, открывшейся, полюбившей.

6

Итак, есть два взгляда на фигуру донжуана. Один – романтически-куртуазный, поэтический, обусловленный женским ожиданием рыцаря, галантного кавалера, великого любовника. Другой – реалистически-обыденный, заданный не только разочарованием и горечью покинутых женщин, негодованием обманутых мужей, но чувством самосохранения сообщества, в лице общественного мнения осуждающего донжуанизм в заботе о случившихся и возможных жертвах агрессивного обаяния донжуанов.

Донжуан ловко обыгрывает риторические фигуры, коммуникативные жесты, правила куртуазной игры, обычные для начального периода флирта – любовной интриги, в которую осознанно включаются обе стороны [24]. Любовная интрига не безопасна. В той мере, в какой «любовные отношения» остаются замкнутыми рамками «аферы», они не дорастают до любви, не становятся средством избавления от одиночества и обособленности, средством выражения внутренней преданности и отданности. Более того, сохранение собственно любовных установок в таких игривых отношениях приводит к обострению как одиночества, так и обособленности.

Но до всего до этого донжуану нет дела. Донжуанизм, выливающийся в обольстительно-совратительные «атаки», односторонен. За облаком изображаемой донжуаном любви скрывается всего лишь вождедеющая страсть. Провоцируемым ею интимным отношениям никогда не обрести гармонии. Эти отношения по видимости взаимны, а по сути контр-пропорциональны: донжуан пользуется, жертва его страсти невольно прислуживает.

Разумеется, в обычной речи на уровне слов, а иногда и пониманий не отделить любовь от любовных походов. Но смысловая дифференциация любовной лексики необходима – для более точного отражения разнообразия в амурно-эротических нравах, для способствования развитию культуры чувств, интимных отношений и любви.

Список литературы

1. Платон. Пир / пер. С.К. Апта // Платон. Соч.: в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – С. 81–134.
2. Апресян Р.Г. Идеальная композиция диалога «Пир» и платоновская философия любви // Культура и искусство. – 2014. – № 4. – С. 393–407.
3. Шелер М. *Ordo Amoris* // Шелер М. Избранные произведения / пер. Денежкина А.В., Малинника А.П., Филлипова А.Ф.; под ред. А.В. Денежкина. – М.: Гнозис, 1994. – С. 339–376.
4. Дмитриева Е. Re-volutio чувства и чувственности (о некоторых особенностях французского либертинажа XVIII века) // Антропология революции: сб. ст. по материалам VI Банных чтений. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 141–178.
5. Делон М. Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века / под общ. ред. Е. Дмитриевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 896 с.
6. Апресян Р.Г. Принцип наслаждения и интимные отношения // Человек. – 2005. – № 5. – С. 56–66.
7. Waxman S.M. The Don Juan Legend in Literature // The Journal of American Folklore. – 1908. – Vol. 21. – No. 81. – P. 184–204.
8. Нусинов И.М. История образа Дон Жуана // Нусинов И. М. История литературного героя. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – С. 325–441.
9. Бабанов И. Апология Дон Жуана // Звезда. – 1996. – № 10. – С. 162–178.
10. Багно В.Е. Расплата за своеволие, или Воля к жизни // Миф о Дон Жуане: антология / сост. В.Е. Багно. – СПб.: Terra Fantastica: Corvus, 2000. – С. 5–22.
11. Giuliano W. A Spanish Version of the Authentic Don Juan // Hispania. – 1951. – Vol. 34. – No. 3. – P. 256–260.
12. Wright S. Tales of Seduction : The Figure of Don Juan in Spanish Culture. – London; New York : Tauris Academic Studies, 2007. – 285 p.
13. Багдасарова А.А. Сюжет о Дон Жуане в испанской драме XVII – первой половины XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д: Изд-во Юж. Федер. ун-та, 2012. – 22 с.
14. Белинский В.Г. Статьи о Пушкине // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. VII. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 97–582.
15. Камю А. Миф о Сизифе: Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек : Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – С. 23–92.
16. Джонсон Р.А. Мы: Глубинные аспекты романтической любви. – Изд. 2-е. – М.: Когито-Центр, 2009. – 318 с.
17. Кьеркегор С. Дневник соблазителя // Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. / пер. с дат., вступ. ст., коммент., примеч. Н. Исаевой и С. Исаева. – СПб.: Амфора, 2011. – С. 330–474.
18. Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies. – Stanford: Stanford University Press, 1992. – 212 p.
19. Липовецкий Ж. Третья женщина / пер. с фр. и послесл. Н.И. Полторацкой. – СПб.: Алетейя, 2003. – 495 с.

20. Баррьер М. Вечная загадка Дон Жуана, или Секреты эротического успеха. – Таллинн: Периодика, 1991. – 50 с.
21. Бланшо М. Сад / пер. В. Липицкого // Маркиз де Сад и XX век. – М.: Культура, 1992. – С. 47–88.
22. Батай Ж. Суверенный человек Сада / пер. Г. Генниса // Маркиз де Сад и XX век. – М.: Культура, 1992. – С. 117–132.
23. Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С.И. Церетели // Юм Д. Соч. в 2 т. Т. I / вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. – 2-е изд., дополн. и испр. – М.: Мысль, 1996. – С. 61–655.
24. Липпиус А. Игры для взрослых: Психология партнерских отношений через трансактный анализ Э. Берна. – М.: КСП+, 2001. – 259 с.

References

1. Platon. Pir [Symposium]. Vol. 2. Eds. A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi. Moscow, Mysl', 1993, pp. 81–134.
2. Апресян Р.Г. Идеина композиция диалога «пир» и платоновская философия любви [The Composition of Ideas in Symposium and Plato's Philosophy of Love]. *Culture and Art*, 2014, no. 4, pp. 393–407. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.4.12637
3. Scheler M. Ordo Amoris. Ed. by A.V. Denezhkin. Moscow, Gnozis, 1994, pp. 339–376.
4. Dmitrieva Y. Re-volutio chuvstva i chuvstvennosti (o nekotorykh osobennostiakh frantsuzskogo libertinazha XVIII veka) [Revolution of senses and sensuality (on some peculiarities of the french libertinage in the 18th century)]. *The Anthropology of Revolution*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 141–178.
5. Delon M. Iskustvo zhit' libertena. Frantsuzskaia libertinskaia proza XVIII veka [The libertine's art of living. french libertine proze of the 18th century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 896 p.
6. Апресян Р.Г. Printsip naslazhdeniia i intimnye otnosheniia [The lust principle and intimate relations]. *Humanus*, 2005, no. 5, pp. 56–66.
7. Waxman S.M. The Don Juan Legend in Literature. *The Journal of American Folklore*, 1908, vol. 21, no. 81, pp. 184–204.
8. Nusinov I.M. Istoriia obraza Don Zhuana [A history of Don Juan figure]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1958, pp. 325–441.
9. Babanov I. Apologiia Don Zhuana [An apology of Don Juan]. *Zvezda*, 1996, no. 10, pp. 162–178.
10. Bagno V.Y. Rasplata za svoevolie, ili volia k zhizni [Requital for arbitrariness, or will for life]. *The Myth on Don Juan: Anthology*. Saint Petersburg, Terra Fantastica; Corvus, 2000, pp. 5–22.
11. Giuliano W. A Spanish Version of the Authentic Don Juan. *Hispania*, 1951, vol. 34, no. 3, pp. 256–260.
12. Wright S. Tales of seduction: the figure of Don Juan in spanish culture. London; New York, Tauris Academic Studies, 2007, 285 p.
13. Bagdasarova A.A. Sjuzhet o Don Zhuane v ispanskoi drame XVII – pervoi poloviny XX vv. [A plot of Don Juan in the spanish drama of the 17th to the first half of the 20th centuries]. Abstract of Ph. D. thesis. Rostov-na-Donu, Iuzhnyi federalnyi universitet, 2012, 22 p.
14. Belinsky V.G. Stat' i o Pushkine [Essays on Pushkin]. Vol. VII. Moscow, Akademiia nauk SSSR, 1955, pp. 97–582.
15. Camu A. Mif o Sizife: esse ob absurde [The myth of Sisyphus]. *Buntuiushchii chelovek: Filosofiiia. Politika. Iskustvo*. Moscow, Politizdat, 1990, pp. 23–92.
16. Johnson R.A. My: Glubinnie aspekty romanticheskoi liubvi lyubvi [We: Understanding the psychology of romantic love]. 2nd ed. Moscow, Kogito-tsentr, 2009, 318 p.
17. Kierkegaard S. Dnevnik soblaznitelia [The seducer's diary]. Saint Petersburg, Amphora, 2011, pp. 330–474.
18. Giddens A. The transformation of intimacy: sexuality, love, and eroticism in modern societies. Stanford, Stanford University Press, 1992, 212 p.
19. Lipovetsky G. Tret'ia zhenshchina [La troisieme femme]. Saint Petersburg, Aleteiia, 2003, 495 p.
20. Barr'er M. Vechnaia zagadka Don Zhuana, ili Sekrety eroticheskogo uspekha [Eternal riddle of Don Juan]. Tallinn, Periodika, 1991, 50 p.
21. Blanchot M. Sad [Sade]. *Marquis de Sade and the 20th Century*. Moscow, Kul'tura, 1992, pp. 47–88.
22. Bataille G. Suverennyi chelovek Sada [De Sade's sovereign man]. *Marquis de Sade and the 20th Century*. Moscow, Kul'tura, 1992, pp. 117–132.
23. Hume D. Traktat o chelovecheskoi prirode [A Treatise of Human Nature]. Vol. 1, Moscow, Mysl', 1996, pp. 61–655.
24. Lippius A. Iгры dlia vzroslykh: Psikhologiiia partnerskikh otnoshenii cherez transaktnyi analiz E. Berna [Games for adults: Psychology of partnership relations through E. Bern's transactional analysis]. Moscow, KSP+, 2001, 259 p.

Получено: 18.05.2018

Принято к печати: 21.08.2018